

Nikolai Vladimirovich Krylov, Ithaca, New York, November 3, 1991 and April 22, 2007; Highlights

1. Немного о корнях и поступлении в МГУ

ЕД.: Коля, начните со своих корней.

НК.: К сожалению, я знаю о них не так уж много. Основная линия идет от каких-то священников невысокого ранга. О деде с отцовской стороны я знаю только то, что он был начальником котлонадзора, по моему, в Ивановской области или в Иваново. И еще, что он как-то был связан с Чапаевым: не то учился у него, не то учил Чапаева на каких-то высших красноармейских курсах, хотя я не знаю, какое отношение котлонадзор имел к высшим красноармейским курсам. У деда было три сына и одна дочка. Мой отец был старшим из детей. Один из сыновей, дядя Коля, был первым секретарем Хабаровского горкома партии. Когда мы там были на Советско-японском симпозиуме, я навестил его, но, к сожалению, не воспользовался случаем и не попросил, к примеру, разрешения походить по Дальнему Востоку.

ЕД.: А вы знаете, что оттуда поступила жалоба моему начальству на то, что я, не спросив разрешения властей, устроил в своем номере чаепитие с японскими коллегами.¹ Вы там тоже присутствовали. После этого меня некоторое время не хотели пускать даже на международные конференции в Советском Союзе. Я так понимаю, это была первая международная конференция в Хабаровске, и партийные боссы просто немножко растерялись. Не знаю, какова была роль вашего дяди.

НК. – Этого я тоже не знаю. А перед тем, как я встретился с ним в Хабаровске, он приезжал в Москву на какие-то партийные курсы и привез нам в Москву водку "Золотое Кольцо". Я тогда попробовал ее впервые в жизни. Великолепная водка! И вот там, в моей квартире отец и дядя встретились после того, как они тридцать лет не виделись! Мой отец коммунистов терпеть не мог, но с братом Колей встретился вполне нормально.

Другой брат отца, дядя Миша, был преподавателем электротехники в Иваново. Отец окончил институт по специальности электротехника и теплотехника тоже в Иваново. Потом он переехал в поселок Молочное под городом Вологда. Это было примерно за неделю до начала войны. А я родился за две недели до начала

¹ Примечание Е.Д. Я полагал, что мне было достаточно согласовать эту встречу (я назвал ее «Марковский чай») с Советским оргкомитетом Симпозиума, но я ошибся. Я записывал на магнитофон рассказы японских коллег о теории вероятностей в Японии. Сохранилась запись рассказа профессора Кунита, вошедшая в настоящую коллекцию.

войны в городе Судогда Ивановской области. Это родной город моей матери. О ее родственниках я знаю очень мало. Когда я родился, мои родители еще не были женаты - может, в те времена это не имело большого значения - и мы все вместе поехали в поселок Молочное. Отец преподавал там в Вологодском Молочном институте, а мать в школе маслоделия. Там делали знаменитое вологодское масло. Однако в самом поселке никакого масла никогда не было!

ЕД.: Его вывозили в Москву.

НК.: Ну, конечно. И только на праздники «выбрасывали» в магазин. Я помню, как однажды на какой-то праздник масла не дали, и мы с матерью сами сбивали. Мама была технологом молочной промышленности, и она принесла с завода сливки (наверно, ей выдали!). Ни до того, ни после я не ел такого вкусного масла! Вы знаете, какие отличительные признаки Вологодского масла? Первое, оно кремового цвета. Второе, с ореховым привкусом! Ничего не добавлялось, никаких орехов, ничего. Мы взбивали эти сливки в десятилитровой бутылке, и я тряс эту бутылку, потом выносил на улицу в снег на какое-то время и т.д., и т.д. Это было масло, которое можно было есть ложками! Но, правда, время было не очень сытое.

ЕД.: Тогда не заботились о размере талии.

НК.: А у отца была очень светлая голова. Он преподавал электротехнику и теплотехнику, которые были частью обязательной программы в этом институте. Студенты его очень любили. Он говорил, что выучил треть ВСЕХ специалистов СССР по молочному делу.

К сожалению, в этом поселке очень много пили. Дело в том, что просто нечем было заняться. Это дыра дырой, много спившихся людей, все время скандалы, драки... И, кончая школу, я решил, что мне оттуда надо просто бежать. Я подумал, если сопыюсь, что хорошего? Взял я справочник для поступающих в высшие учебные заведения, и больше всего мне понравилась физика. А поскольку у отца было какое-то оборудование, я слышал разговоры, как трудно что-либо достать, не имея нужных знакомств. Я подумал, что в физике, чтобы доставать приборы тоже, наверно, надо знакомства какие-то иметь.. И поэтому я выбрал математику, где что ни сделаешь, все - твоё! На листке бумаги написал, и больше ничего не надо. Правда, выяснилось, что работая в Университете, бумагу надо все равно покупать самому. (Хорошо, что она не слишком дорогая была.) Провожали меня на вокзале отец и его приятель Маршак, парень, сосланный, по-видимому, из Ленинграда в Молочное (он потом вернулся в Ленинград). И они оба меня все уговаривали поступать в Молочный институт! "Ты только напиши заявление!" - ведь я был почти отличник: у меня была единственная тройка в аттестате по русскому языку! Мне бы логику какую-нибудь! А в русском не логика, надо запоминать многое, а я даже не мог запомнить день, когда меня должны были принимать в комсомол. Прозевал! Они говорят: "Ну, куда ты поедешь? Ты же не комсомолец, не москвич, значит, тебе нужно общежитие!" Я старался им объяснить, что хотел из этого болота уехать!

Подавал я заявление о поступлении в МГУ вместе с матерью. Мы подошли к Университету с центрального входа и долго стояли перед колоннами, не решаясь войти в это помпезное здание. Два месяца перед поступлением нужно было где-то жить, и я жил у дяди, брата матери. Дело в том, что если не просить место в общежитии, то шансов поступить было больше. Я думаю, что родственник, который приехал бы ко мне из провинции поступать в университет, жил бы у меня вечно. Все-таки как-то надо помогать! А мне эти родственники сказали: "Перебирайся в общежитие."

Нас было пять человек в комнате и все пятеро поступили в МГУ! Редкий случай, так как очень маленький процент абитуриентов в то время мог поступить в МГУ.

ЕД.: Ну, хорошие ребята подобрались.

НК.: Да. Там заводилой был парень, который поступал в МФТИ. У них экзамены были на месяц раньше, но он туда не поступил! И тогда он, уже много чего зная, пришел в МГУ. Он готовился по задачку Моденова, и мы с ним исследовали его вдоль и поперек. Надо сказать, мне это сильно помогло, я научился всему, что я должен был бы знать перед поступлением. На вступительных экзаменах я получил четверку на письменном экзамене и пятерку на устном. Никакой медали у меня не было. Как сейчас помню, на устном моим экзаменатором была Кишкина.

ЕД.: Ну, она была человек строгий, жесткий, но справедливый.

НК.: И доброжелательный. Как сейчас помню, она спросила, что такое абсолютная величина, и я ей сказал, что это величина БЕЗ знака. Ну, у нас в школе не было такого понятия. Тогда она попросила меня нарисовать график модуля синуса. Я нарисовал, она видит, что я знаю, что это такое, и вполне удовлетворилась. На письменном я получил четверку.

ЕД.: Там были такие задачи!

НК.: Да. Четверка была большая редкость.

ЕД.: А вы до этого математикой какой-нибудь занимались?

НК.: Я абсолютно ничего не знал! Ноль! Ведь я из поселка, никаких кружков...

ЕД.: Да и Колмогоровского интерната не было.

НК.: В те времена вообще ничего не было.

2. Мехмат² МГУ.

НК.: Мне повезло. У меня были прекрасные учителя. Например, нам читал анализ Марк Александрович Крейнс. Он читал с таким энтузиазмом, хотя, я уверен, что он читал это в двадцатый раз! У меня после его лекций сложилось

² Механико-математический факультет

впечатление, что любая обезьяна может выучить математику. Только нужно терпение. Если ты принимаешь эти аксиомы, которые естественны, то все доказательства абсолютно четкие.

ЕД.: Это любопытное свидетельство, конечно.

НК.: Вы читали алгебру. В курсе линейной алгебры вы описали такую игру. Лежат две кучки из одинакового количества спичек. И два игрока. Каждый может взять от одной до трёх спичек из любой кучки. И кто возьмет последнюю, тот проиграл. Сначала непонятно, как найти стратегию для выигрыша. Все варианты перебрать? А оказывается, можно применить основную идею динамического программирования. Это было очень интересно.³ Потом вы нам доказывали основную теорему алгебры. Это было замечательно! Вы помните: берете многочлен и рассматриваете точки минимума его модуля. И используете то, что многочлен, либо его производная равна в этой точке нулю. Вообще ваш курс мне очень нравился.

ЕД.: И вы пошли на мой семинар?

НК.: Сначала я был у Олега Николаевича Головина. На самом деле я еще при поступлении в Университет решил, что я буду заниматься вероятностью. Само слово ВЕРОЯТНОСТЬ для меня звучало магически. Но, поскольку я думал, что пока до вероятности еще есть время, - нам вероятность еще не читали - то я посмотрю в разные стороны. Например, я слушал годовой курс Римановой геометрии, которая мне так и не пригодилась, хотя это и было полезно. На втором курсе я пошел писать курсовую работу к Олегу Николаевичу Головину, который дал мне задачу: придумать определения коммутаторного частного. Он хотел, чтобы все определения удовлетворяли каким-то естественным требованиям, но на любое определение я приводил контрпример.

В конце 2-его курса мы сдавали экзамен по алгебре. Я сдавал его Скорнякову и получил четверку за то, что долго думал (так он мне сказал). Меня это страшно удивило, и я на следующий год я пошел писать курсовую работу к Скорнякову. Я думал, наверное, там быстро думают, и я научусь чему-нибудь интересному... Ничему интересному я не научился: там были какие-то конечные автоматы. Правда, какую-то работу о них я написал. Это была моя первая научная работа. Я ходил и на ваш семинар для младших курсов. А потом вот уже на 4-м курсе я уже пошел работать с вами.

На 5-м курсе я женился. Встал вопрос о распределении⁴, а моей жене, Юле,

³ Примечание Е.Д. Вместо двух кучек можно рассматривать перемещения ладьи по шахматной доске. Два игрока поочередно могут двигать ее вперед или вправо на любое число полей. Выигрывает поставивший фигуру в правый верхний угол. Эквивалентность двух игр служила иллюстрацией понятия изоморфизма в математике.

⁴ Каждый студент в СССР направлялся на работу в какое-нибудь государственное предприятие, где он должен был проработать три года.

предстояло еще один год учиться после того, как я закончу. Поэтому мне не хотелось уезжать из Москвы, и я готов был завербоваться в какой-нибудь "ящик"⁵. Но Евгений Борисович меня спас, сказавши, "давайте в аспирантуру, а там видно будет". И действительно вышло неплохо, о чем я не жалею.

ЕД.: Понятно. Ну, теперь вспомните все-таки, - естественно, что я помню очень немного, но любые детали мне интересны, - что вы помните об этих университетских годах, что за семинар у нас тогда был, какая была ваша первая работа напечатанная...

НК.: Первая моя работа была напечатана после второй, а вторая работа была... Вот на 4-м курсе, когда открывался семинар, вы предложили несколько задач. И я написал работу по Марковским случайным множествам.

ЕД.: Она была опубликована как совместная статья с Юшкевичем. Кстати, эта работа цитируется до сих пор.

НК.: Слава богу, что она не пропала. И в процессе этой работы, в течение года, я от вас с трудом добился определения Марковского множества.

ЕД.: Потому, что я его не знал. Но я думаю, что вы сами его придумали.

НК.: Не знаю. Вентцель был у меня рецензентом и мы с ним вполне хорошо поговорили. Он разговаривал доброжелательно и язвительно...

ЕД.: Его обычный стиль.

НК.: Кстати говоря, когда мы сдавали экзамен по случайным процессам, мне говорили, к Вентцелю не ходить. А я как раз и пошел. Вполне н-и-ч-е-г-о!

ЕД.: Ну, он вполне честный и интеллигентный человек, а то что он у него такой ум язвительный, так это имеет свои прелести.

НК.: Да, да.

ЕД.: Меня он много раз публично разоблачал. Стоило ошибиться, как он немедленно приводил контрпример, и я был этому рад.

НК.: Вы знаете, я давно думал на эту тему. И мне кажется, что Вентцель, в каком-то смысле, опасный человек. Я скажу, в каком. Если у вас есть незрелая идея (а так со мной и бывало!), вы ее высказываете и немедленно получаете его контрпример. Но это не значит, что идею надо хоронить! И поэтому я предпочитал сделать несколько шагов по этой идее прежде, чем говорить. Потому что, скажем, если я Вентцелю сразу непродуманную идею расскажу, он тут же ее и похоронит. А я понимаю, что и это необоснованно, и то необоснованно. Но я вижу, что ответ, который мне нравится, можно получить совершенно законным способом и ничего не надо хоронить.

ЕД.: Ну да, это разрушительная сторона его гения. Но он, несомненно, и созидатель.

НК.: Да, да.

⁵ Номера почтовых ящиков служили названиями для научно-исследовательских институтов, занимавшихся секретной тематикой.

ЕД.: Его результаты по большим отклонениям и общим граничным условиям останутся навсегда связанными с его именем.

НК.: На его докторской защите я выступил и сказал, что он обладает фантастической математической силой и фантастическими математическими способностями. Исключительный человек!

ЕД.: Ну, да... А потом все-таки тоже я, но не помню, когда, направил вас на управляемые случайные процессы.

НК.: Да, это было.

Вот я расскажу одну историю, которую вы, может быть, тоже помните. Вы читали курс по задачам оптимальной остановки. Я не помню, было там управление или нет. Может быть, было и управление. Консультация перед экзаменом: задаются вопросы, а потом все вопросы кончились, и вы задаете такой вопрос: в одной из теорем курса была ошибка. Догадайтесь, в какой! И вы сказали: "Тот, кто ответит правильно, сразу получит пятерку".

ЕД.: Без экзамена.

НК.: Без экзамена, сразу. Я знал одну теорему, в которой была ошибка! Однако у меня все экзамены были уже сданы. Я ждал, пока люди высказывались. Оказалось, что никто не знал. Потом я назвал теорему. Вы говорите: "Правильно. Несите зачетку." А я: "Евгений Борисович! Мне не нужно".

ЕД.: Я, конечно, этого не помню.

А когда Вы написали первую работу по управляемым процессам? Это уже в аспирантуре?

НК.: Это было на 5-м курсе. Работу по Марковским множествам я сделал, когда после 4-го курса был в Дубне на практике. А рассказывал я ее уже осенью. И Вы сказали, что этого вполне хватит для дипломной. И Юшкевич тогда тоже рассказывал.

ЕД.: Вы, кажется, независимо работали,..

НК.: Независимо.

ЕД.: Но сделали вещи в какой-то степени перекрывающиеся.

НК.: Близкие. Да, да. Но я хотел еще что-то сделать с управляемыми цепями. Эту работу я рассказывал на конференции в Тбилиси в 1963-м году, которая, даже может, была последней общесоюзной по теории вероятностей. А потом я поступил к Вам в аспирантуру и Вы меня хорошо, так сказать, честили... Не меньше, чем Вентцель!

ЕД.: Ну, я думаю, что вы на меня не в обиде!

НК.: Нет.

ЕД.: Прочитав начало вашей монографии, которую вы мне подарили, я испытал некоторое удовольствие от ясности и стиля, в котором все написано.

НК.: В этом есть и ваша заслуга! Это заведомо. В каком-то смысле, сказывается школа.

ЕД.: Потом вы в аспирантуре занялись управляемыми цепями.

НК.: Да, да.

ЕД.: А когда появились управляемые диффузии?..

НК.: Они, на самом деле, не появились. Дело в том, что сначала надо было строить процессы с плохими коэффициентами, но не было аппарата. В кандидатской диссертации он еще не был создан. Я только понял, что можно построить процессы с непрерывными коэффициентами. И это я сделал.

ЕД.: И это, в общем, было началом вашей весьма плодотворной деятельности по теории дифференциальных уравнений.

НК.: Да-да-да. Пришлось выучить всё.

ЕД.: И даже монография, которую я только что упоминал, тоже в известном смысле выросла из этого. Стимулом были управляемые диффузионные процессы. Я помню, как вы и меня и других участников семинара в ЦЭМИ⁶ этому учили.

НК.: Я помню свое разочарование, когда никого это направление не заинтересовало. А ведь там сидели сильные ребята: Сережа Кузнецов, Игорь Евстигнеев ... Ну, может, это и хорошо, что есть разные разделы математики, разные люди...

ЕД.: Ну конечно, мы все хотим завербовать как можно больше последователей. Но, с другой стороны, чего же огорчаться?

3. Семинар Дынкина

ЕД.: Давайте вернемся опять к более ранним временам. Помните ли вы что-нибудь о том моем семинаре, в котором вы принимали участие на младших курсах? Одно время было два параллельных семинара.

НК.: Я помню, что их было два, потому что я участвовал в малом. Я позже с удивлением обнаружил, что мы в нем узнавали многое из теории дифференциальных уравнений в частных производных. Я уверен, что вы помните.

ЕД.: Что-то помню, что-то нет.

НК.: Ну, например, свойства гармонических функций.

ЕД.: Да, конечно. Это моя любимая тема.

НК.: Это было где-нибудь курсе на третьем еще и тогда никаких уравнений в частных производных у нас еще не было. И тем не менее, начиная с понятия гармонических функций, появились сферические гармоники и разложение функций по этим гармоникам. И было много, исключительно много красивых вещей.

ЕД.: Да, это красивая область!

НК.: Принцип максимума был! Но, по-моему, не было каких-то особых длинных связанных тем.

Д.: Ну, да, так - кусочки.

⁶ Примечание Е.Д. Центральный экономико-математический институт Академии Наук СССР, где я тогда работал.

НК.: Еще Вы время от времени приглашали аспирантов или сотрудников. Пятецкий-Шапиро там был, что-то рассказывал про автоморфные функции. Я, помню какие-то полосы... Наверное, что-нибудь куда-нибудь отобразалось.

ЕД.: Да, в каком-то смысле, вообще хорошее время было, ну, потому что мы все молодые были...

НК.: Действительно, легче и интереснее было. Я помню, как Гирсанов как-то пришел и рассказывал задачу об оптимальном выборе. Это было так: мы сидели в аудитории 1403 с тремя рядами, и в каждом ряду, наверное, 10-12 студентов. Как правило, аудитория всегда была полная. Люди ходили на семинар просто из интереса...

Задача была такая: Гирсанов пытался угадать наибольший номерок в каждом ряду, пользуясь оптимальной стратегией, которую он знал. (Сдавали же пальто в гардеробе. Значит, у каждого был номерок). Гирсанов спрашивал очередного студента, какой у него номер, и должен был после этого решить - это наибольший или нет. Если он думал, что это наибольший, то все из этого ряда называли свои номера и было видно, угадал Гирсанов или нет. Если же он думал, что это не наибольший номер, то он спрашивал следующего студента. При этом он не имел права возвращаться назад к предыдущим студентам. И он каким-то образом в 2-х рядах из 3-х угадал, хотя по теории вероятность успеха была одна треть. Можно было бы и ни в одном не угадать: объем выборки - три - не столь уж велик.

ЕД.: Понятно. А потом, значит, Вы начали заниматься этими управляемыми процессами...

4. Аспирантура.

НК.: Вот 5-й курс, конец обучения. Надо искать работу. А дело в том, что ни я, ни жена моя не москвичи и мы не имели московской прописки, без которой мы не имели права работать в Москве. Жена оканчивала Университет на год позже меня и тогда должна была бы ехать туда, куда я распределен, но и ей и мне хотелось остаться в Москве, и я записался в одну секретную закрытую организацию, где давали московскую прописку. А вы мне сказали: "А чего бы не попробовать в аспирантуру?" Я говорю: "Ну, тогда неопределенная перспектива: жена закончит учебу и, если ее пошлют работать после окончания МГУ куда-нибудь в отдаленное место, то по правилам и я должен туда же ехать после аспирантуры." Вы ответили: "Ну, мы посмотрим. Пойдем к ректору Петровскому. Может быть договоримся." Я поверил. И действительно, так и получилось. Вы ходили к Петровскому (может, вы этого и не помните), Петровский поговорил с Шемякиным и Юлю взяли стажером в институт Шемякина. И пока она там была стажером, я защитил кандидатскую и после этого решил ехать в Новосибирск: нам сразу давали двухкомнатную квартиру в Академгородке. Но тут опять случилась интересная вещь. В этот момент произошло очень большое расширение

мехмата: вместо 275-ти стали принимать 450 студентов на первый курс! А я защитил кандидатскую до срока, до официального окончания аспирантуры. Ну, стали смотреть, кого можно оставить преподавать. Меня Николай Владимирович Ефимов, декан, вызывает, спрашивает "не хотите ли?" Я говорю: "Это просто замечательное предложение! Но мы не москвичи, права жить в Москве у нас нет, нам нужно остаться в общежитии и хотелось бы, чтобы нам дали блок в общежитии." Он говорит: "В чем проблема? Будет блок!" Блок- это две комнаты, каждая по семь метров, а нас уже трое с дочкой. Приезжаем в сентябре. Дают нам одну комнату (7 кв. метров) в блоке. Я расстроился. Прихожу к Николаю Владимировичу и говорю: "Николай Владимирович, ведь Вы же обещали блок!" А он: "Может, я не знал, что такое блок!" Я говорю: "Николай Владимирович!!!" Он говорит: "Ладно. Будет вам блок."

Историю о том, как я остался в аспирантуре и как меня рекомендовали в аспирантуру, мы уже вспоминали с Вами сегодня, но стоит повторить, чтобы ее записать. На выпускном экзамене (госэкзамене) по Истории партии - это был решающий момент, потому что по этому предмету я однажды даже двойку получил в течение 5-ти летней учебы! - у меня принимал экзамен Новиков. На госэкзамене обязательно должны были присутствовать двое экзаменаторов: представитель факультета, Вы, и вот этот Новиков. Я отвечаю по билету, думаю, разумное. А этот Новиков вдруг меня спрашивает: "Вы комсомолец?" Я подумал, что пропал, потому что вопрос не по существу. Я говорю: "Нет." А он: "В бога Вы верите?" Я говорю: "Тоже, нет." Кончился экзамен. Все, думаю, зарезали. Выходит Евгений Борисович, говорит: "Поставили четверку." А как? Потому, что Новиков поставил тройку, а Евгений Борисович пятерку.

ЕД.: Но это не всегда проходило!

НК.: Да-да-да! Так я был рекомендован в аспирантуру!

Итак, на мехмат вместо двухсот семидесяти пяти начали принимать четыреста студентов. Стасик Молчанов, Миша Малютов, я и еще человека два или три с нашего курса были оставлены для преподавания на факультете.

ЕД.: Ну, если из пяти три были из одной группы, это неплохо, конечно. Какой это год?

НК.: Это был 1966 год.

ЕД.: Я в это время второй школой увлекался и вас даже, как вы говорите, эксплуатировал, чего я не помню.

НК.: Ну, это была не сильная эксплуатация. Я доволен, что вы не помните, потому что, может быть, и я был нерадив.

ЕД.: А Стасик, как раз очень увлекался.

НК.: Кстати, я защитился в 1966-м еще до окончания срока аспирантуры. А Вы помните, что у Стаса Молчанова был оппонентом? Он защищался в 1967-м.

ЕД.: По диссертации? Нет, я этого совершенно не помню.

НК.: Я за пять минут заработал двадцать долларов! Извините, рублей. Ситуация была очень простая, но как я боялся! У Стаса Молчанова одним

оппонентом должен был быть Скороход.

ЕД.: А он не явился.

НК.: Он явился!

ЕД.: А в чем дело?

НК.: Там было две аудитории, ## 1610 и 1624, и в обоих шли защиты: в одной по механике, а в другой по математике.

ЕД.: Он не нашел.

НК.: Он сидел в другой! Начинается защита Молчанова.

ЕД.: А, теперь я смутно припоминаю.

НК.: А другого оппонента нет! Нужен был запасной оппонент, народу немного и я как-то чувствовал...

ЕД.: А у Вас была степень, да?

НК.: Да, но я сожалел, что там оказался! Я ведь не читал ничего, первый раз выступать, а тут сидят такие умные люди! Что я скажу? Ну, я что-то повторил, что говорили люди передо мной... Потом и Скороход появился - он понял, что не там сидит только, когда объявили следующую диссертацию. Пошел гулять и нашел нужную аудиторию только к концу защиты, но ему даже дали выступить!

ЕД.: Очень интересно! Нет, я, конечно, абсолютно не помню. Вообще, удивительно, насколько забываешь вещи.

НК.: А потом я четыре года проработал на кафедре анализа, из них один год я был в командировке в Алжире.

ЕД.: Вы приехали оттуда с очень интересными результатами.

НК.: Я, и в самом деле, время там не потерял. И это был 1967-68 учебный год, когда я благополучно избежал подписантов.⁷ Если бы я был в Москве, наверняка бы подписал петицию и были бы такие последствия! А меня там физически не было. Кстати, за то время, пока я работал в Алжире, нам дали разрешение на проживание в Москве.

ЕД.: Ну, конечно, вы могли бы легко решить эту проблему, женившись на москвичке, но вы пошли не самым легким путем. Вы, кажется, у Кузнецова тоже были оппонентом?

НК.: Нет. Однако Сережа Кузнецов был редактором моей второй книги. Я с ним много разговаривал. Да мы и, вообще, с ним в хороших отношениях.

ЕД.: Я Вам говорил, что я его пригласил сюда.

НК.: Я не был у него оппонентом, но я выступил во время обсуждения диссертации и говорил, как хорошо, что вот такие результаты, хотошо, что у нас в стране есть абстракционист, который занимается такими сложными и нудными, в общем-то, проблемами, но которые заслуживают решения.

⁷ 99 советских математиков подписали письмо в защиту диссидента-математика Есенина-Вольпина (см. http://en.wikipedia.org/wiki/Alexander_Esenin-Volpin). Многие из них подверглись после этого гонениям со стороны властей.

5. Поездки за границу

ЕД.: Расскажите, Коля, о вашем опыте заграничных поездок. Когда вы в первый раз выехали, при каких обстоятельствах? Когда и как вы НЕ выезжали и при каких обстоятельствах?

НК.: Опыт у меня не очень большой.

ЕД.: По НЕвыездам, по-моему, достаточный.

НК.: Кто знает! После некоторого момента я даже не очень и старался выехать. В частности, когда Ито было 60 лет, он устраивал конференцию в Японии и приглашал меня с женой. Так и было написано в приглашении: все расходы оплачивает он сам, в Японии! Так я это приглашение даже не показывал на факультете! А зачем показывать? Отнимут это приглашение, а так у меня хоть есть оригинальный автограф Ито.

ЕД.: Ксерокс надо было снять.

НК.: Какой ксерокс в те времена? Так вот, чтобы твердо встать на ноги, в первый раз я поехал за границу в 1967 году в Алжир, где платили хорошо. До получения разрешения на проживание в Москве я надеялся пересидеть там в хороших условиях (вместо общежития), заработать денег и купить автомобиль (и купил-таки!). Но в Алжире я прожил всего один учебный год, хотя посылали нас туда на два-три года, и вырвался оттуда с неким скандалом.

ЕД.: Почему же вы решили вырваться?

НК.: А потому что я уже получил разрешение на проживание, уже заработал денег на машину... и я боялся оторваться от общества математиков.

ЕД.: Понятно.

НК.: Когда в Алжир надо было бы ехать на второй год, нашей дочери исполнилось уже три года и, оказалось, для этого возраста есть правило, согласно которому в паспорте матери должна быть фотография матери с ребенком вместе, а у нас были только отдельные.

ЕД.: Что, нельзя было сфотографироваться?

НК.: Можно, но в то время это занимало месяцы... оформление паспорта и все такое. Я об этой проблеме знал уже в то время, когда мы приехали в отпуск, но не говорил инспектору до тех пор, пока не подошло время уезжать назад. Тогда только выяснилось, что мои документы не готовы. Это было дело инспектора проверить, чтобы все мои документы были в порядке, а я мог вообще ничего не знать. Был дикий скандал, но тем не менее ехать я не мог.

После этого за границу я выехал только в 1976 г. в Польшу. Это была настоящая баталия. Банаховский центр, который был организован по соглашению между Академиями Наук Советского Союза и Польши, прислал мне приглашение. Когда я принес его в МГУ, мне сказали: "Идите отсюда, вами никто заниматься не будет". Вот это ответ! Я смирился, но было обидно. Мне уже было 35 лет, я был доктором наук, ничем перед Советской властью не провинился, в Алжире был и не

сбежал. Мне хотелось начать ездить за границу хоть куда-нибудь. А организовывал эту поездку в Польшу Ширяев, все шло через Ширяева. Да и приглашение я получил, фактически, через него. Он пошел к академику Боголюбову и академик Боголюбов написал письмо, что Крылов такой-то, такой-то ПРИГЛАШЁН в Банаховский центр. Я принес эту бумагу в иностранный отдел и там моментально начали мной заниматься. А ведь ничего же не изменилось! Они же и раньше видели это приглашение в моих руках! Заниматься начали мною, но не торопясь. Я должен был уехать в январе, а в итоге поехал в мае. Подготовил я документы и их должны были переслать из иностранного отдела МГУ в Министерство. А из иностранного отдела эти документы НЕ выходят! Не выходят, и все! Тогда академик Боголюбов написал еще одно письмо, в котором было написано то же самое: "Крылов такой-то приглашен." После этого письма документы мгновенно послали в Министерство, ну, а там был уже какой-то налаженный канал, все делалось автоматически. И я поехал в Польшу.

ЕД.: У них код, наверно, какой-то есть.

НК.: Может и код... Они поняли, что вот с этим человеком все в порядке. И еще один интересный факт: я оформлял документы для поездки в Польшу из Межфакультетской лаборатории, которая в то время еще существовала, а когда поехал, ее уже расформировали. Ни один из моих документов, которые потом были в министерстве, не соответствовал действительности! Ни один! Все было вранье. И не по моей вине! Когда они подавались, все было правильно, а к тому времени, когда я поехал, все было чистый бред.

ЕД.: Ну да, ну хорошо.

НК.: Моя командировка в Польше продолжалась один месяц и когда я поездом возвращался домой в Москву, границу пересекали глубокой ночью - может, всяких преступников легче брать ночью? - и я был разбужен для проверки паспортов. Не знаю, как я выглядел, но молодой пограничник, глядя в мой паспорт, сказал: "Это не Вы!" Я ответил: "Что хотите делайте. Другим не буду. У меня только вот этот паспорт. Может, это не мой?" Ну, он пропустил.

ЕД.: Может, острил.

НК.: Нет, он не острил...

Юля. - Он действительно мало похож на фотографиях тех времен.

НК.: Потом наступил 1978 год. Меня пригласили на Всемирный конгресс математиков в Хельсинки. Тоже интересная история. Кострикин был у нас деканом и Никишин замдекана. Вот они-то и поехали, хотя у них никаких докладов не было!

Значит, дело было так. Пришло приглашение. Из иностранного отдела мне говорят: "Подавай документы". Я решил, что ничего не буду делать! В принципе, это их дело. Как же так: я сам на себя буду писать характеристику, ходить по разным людям и утверждать её? Ведь я же не напишу про себя чего-то плохого, например, преступник или еще что-то... Я же на себя хорошую характеристику напишу! Это они на меня должны писать характеристику! Я так рассуждал, потому что был уверен, что мне не разрешат поездку в капиталистическую страну. В СССР

существовал закон, сформулированный довольно четко Ширяевым: того, кто хочет ехать в капиталистическую страну, в ПЕРВЫЙ раз не пускать!

ЕД.: Второй раз можно.

НК.: Второй раз можно, а в первый - нет. Поэтому я и не делал ничего. Но выяснилось, что документы на меня оформили! Дело все-таки международное и, наверное, они побаивались. Так мои документы оказались в иностранном отделе. Конгресс в Хельсинки должен был состояться летом, а мне хотелось съездить на озеро Селигер в отпуск, и я решил узнать у Никишина с Кострикиным, стоит ли ждать решения моего вопроса, или я могу уехать потому, дело безнадежно и я ничего не потеряю. Подхожу я к ним, к Никишину с Кострикиным - они стояли на 15-этом этаже, как сейчас это место вижу, где они стояли, - спрашиваю. Кострикин отвечает, что стоит ждать. Ну, тогда я сказал себе: "Позжай спокойно на Селигер." И я уехал! А Вентцель остался в Москве, ждал. И... не дождался. Я же просто по выражению их лиц увидел, что эти два "шахматиста" мне мат уже поставили.

ЕД.: Возможно вспомнили, что вы были мой аспирант.

НК.: Да. Вот в какой момент меня об этом спрашивал Кудрявцев, который заведовал иностранным отделом мехмата. Говорят, он был майором КГБ. Сволочь высшего класса! Вот он меня и спрашивал: "Вы были учеником Дынкина?"

НК.: Да, был. Ну и что?! Может, ожидал, что я буду каяться. Да, когда-то давно был аспирантом Дынкина. Евгений Борисович уехал. Кудрявцев спросил, переписываемся ли мы. Я правдиво ответил, нет.

ЕД.: Связи не поддерживаю. Ну, а как было дело со следующими Вашими поездками?

НК.: Интересная история была с Венгрией по личному приглашению в 1981 году. Вот как это происходило. Я получил личное приглашение, собирался ехать за свои деньги в отпуск - не мне Вам объяснять. Ни в чем перед СССР не провинился: в Алжире и в Польше побывал, не сбежал. В Хельсинки уже не пустили, теперь хочу поехать в Венгрию. С приглашением я пришел в ОВИР за анкетой. Но анкету для заполнения мне не выдавали! Минут 15 меня женщина уговаривала ехать отдыхать не в Венгрию, а куда-нибудь по Советскому Союзу. Я ее спрашиваю: "Я имею право ехать в Венгрию?" Она: "Имеете, но... А Вы давно не были у своих родителей?" Я: "Давно." Она: "Ну, тогда..." В конце концов я ей сказал: "Я на вас буду жаловаться!" Только это ее остановило. Потом я переделывал эту анкету раз десять. Что-то напечатал неправильно (ведь не было же компьютеров как здесь!), она указывала, что не так, и я перепечатывал. Последний этап был такой: характеристика была написана нормально, я получил все подписи, но, к сожалению, последние пять строчек характеристики - "Характеристика утверждена на заседании парткома (партийного комитета) МГУ", дата и все необходимые имена для подписей были напечатаны на пишущей машинке парткома и, соответственно, другим шрифтом. И когда я принес характеристику со всеми подписями инспектору в ОВИР, она отказалась ее принять, сказав: "Другим

шрифтом - не годится!" Я говорю: "Смотрите, какие большие люди подписали, секретарь парткома МГУ, например. Она: "Ничего не знаю. Делайте, что хотите!"

ЕД.: Ну, издевательство!

НК.: Она продолжает: "Пусть один из этих людей, которые подписали, заверит (*certifies*) это!" Это кто же будет заверять? Тропин, проректор, или секретарь парткома МГУ, или секретарь профкома (профессионального союза) МГУ? Я пошел к председателю профкома МГУ и к нему старался попасть неделю. А он долго крутился, вертелся и нашел-таки зацепку: "Здесь партийная печать! Я подписать не могу, пусть подписывает партком!" Я - в партком. А там, вы знаете, накануне застрелился секретарь парткома МГУ. Прямо накануне!

ЕД.: Надо же! Не слышал про такую историю!

НК.: Ну думаю, всё. Вот из-за этой глупости не поеду! В коридоре какой-то секретарь по моему растерянному и дикому виду понял, что у меня личная трагедия. Спросил, что случилось. Зашел он в какую-то комнату, взял печать, шлепнул, написал "Исправленному верить", поставил дату и я ушел. И уехал в Венгрию! Но каких это стоило нервов, каких переживаний! Жуть!

ЕД.: Могу себе представить!

НК.: Потом, благодаря Роберту Липцеру, я попал в Италию, в капиталистическую страну! Это была хитрая комбинация. Там была организована конференция, хитрая конференция. Гвишиани, директор Института Системных Исследований, придумал некую систему. Институт Системных Исследований (как будто все остальные институты занимаются бессистемными исследованиями!) был просто ширмой для детей всяких начальников, которым нужно было чем-то отчитываться за свою деятельность. Организация различных конференций была одной из их статей отчета. Этот институт с одним из итальянских институтов организовал конференцию в Падуе с минимальным числом участников, а целью конференции было вытащить меня, Липцера (Липцер перед этим уже побывал в капиталистической стране) и Сашу Веретенникова, одного из моих учеников, за границу. Вот это и была цель конференции! Конференция была назначена на какие-то числа. Оформление заняло ровно все время прямо до даты начала конференции. А я, к сожалению, в тот же год по своей глупости съездил в туристическую поездку в Чехословакию на горных лыжах покататься.

ЕД.: В отпуск?

НК.: Да, в отпуск. А разрешено было, между прочим, только один раз в три года выезжать за границу, такие были порядки.

ЕД.: Но не для всех, конечно.

НК.: Да, не для всех. Но это сыграло какую-то роль. Пришел я к Кудрявцеву с этим приглашением. Он мне и говорит: "Вы же уже были за границей в этом году!" и при мне начал звонить начальнику иностранного отдела МГУ с вопросом, можно ли профессору поехать в Италию на конференцию, если он уже ездил в этом году в отпуск за границу кататься на горных лыжах. А тот отвечал очень громко и

мне было слышно: "Это смотря какой профессор!" Кудрявцев положил трубку, а мне тем не менее говорит: "Нет, не можем разрешить! Потому что вы ездили уже за границу." Я говорю: «Вы знаете, если я приду к Гвишиани⁸ (а Гвишиани был академик и зять Косыгина⁹)... Если я приду к Гвишиани в Институт Системных Исследований и вот так объясню, меня там засмеют, просто засмеют. Это не аргумент." Он покрутился, повертелся и меня начали оформлять. Но зато оформляли ровно до начала конференции. То есть, я не успевал получить документы к ее началу. Эти документы только из МГУ вышли к началу конференции, а там еще Министерство! Но конференция-то была СВОЯ! Её тут же перенесли на месяц и я уехал.

ЕД.: А у вас была своя тактика.

НК.: Да, у нас своя тактика была, мы сдвинули сроки конференции. Мы все там сделали доклады. Было довольно много народу, приезжал главный редактор Stochastics, забыл его фамилию.

И вот, как сказал Розанов, благодаря тому, что я побывал в Италии и съездил в колхоз со студентами на месяц на уборку картошки, я получил возможность поехать на конгресс в Беркли в 1986 году.

ЕД.: И это была ваша первая, так сказать, поездка через университет.

НК.: Нет. Делегация оформлялась от Академии Наук.

ЕД.: Но вы ездили как делегат или как турист?

НК.: Как делегат.

ЕД.: Ну, это уже перестройка! Мы, может, этого не понимали, а они-то понимали.

НК.: Может быть. Ну да, в Хельсинки в 1978 году я бы тоже как член делегации поехал, но тогда мне можно было мат в два хода поставить.

ЕД.: Они очень остро чувствовали положение. Знали, как держать нос по ветру. Они уже чувствовали, что какие-то перемены на верхах.

НК.: И еще при Кудрявцеве на посту замдекана по иностранному отделу мы оформлялись и уехали на Мадагаскар в начале 1988 года. Вскоре после этого Кудрявцев ушел с этого поста, что-то вроде этого.

ЕД.: Чем еще он занимается?

НК.: Он, по-моему, заведующий кафедрой. Или зав. лабораторией по каким-то наукам.

ЕД.: Он математиком считается?

НК.: Да. По-моему, он занимается кибернетикой или чем-то связанным с этим делом. Есть такая наука. Она, может быть даже и важная и полезная, но...

ЕД.: В Америке ее нету.

⁸ См. <http://www.gcras.ru/gvi/CVGvish2007eng.pdf>

⁹ См. <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/322804/Aleksey-Nikolayevich-Kosygin>

НК.: Правильно. И не было никогда!

ЕД.: Никогда не было. Была книжка только Винера.

НК.: Винера, да. Ну что же? Наука должна иметь хотя бы общие методы, общие цели, общие средства. А если ничего этого нет, каждая задача - это о чем-то о своем...

ЕД.: Да. Ну может Вы, кстати, расскажете, как вы принимали приглашение Университета Миннесоты? Тоже было все не так просто? И кто какую роль в этом сыграл? Положительную, отрицательную?

НК.: Слава богу, никто не играл отрицательной роли. Единственно, наша почта старалась...

ЕД.: Ну, то, что вас уволили из МГУ, это все-таки...

НК.: А я и не ожидал ничего другого, откровенно говоря.

ЕД.: Ну, все же не всех увольняли.

НК.: Не всех. Но меня уволили в течение месяца после того, как я уехал в отпуск на месяц. Потому что я оставил письмо Розанову с просьбой, если нет возможности считать, что я нахожусь за границей без оплаты, но с сохранением места, то я прошу считать меня уволенным по собственному желанию. Чтобы статью какую-нибудь не написали в трудовую книжку, например, что сбежал с трудового фронта, дезертир!

ЕД.: Теперь уже Вам плевать, что они там напишут. Может, при смене власти это даже было бы...

НК.: Плюсом. Может быть. Да, когда мы после первого отпуска снова собирались на Мадагаскар, меня дочь с зятем уговаривали не ехать, придумав какую-нибудь причину, а вместо этого искать дорогу за границу. Но я отказался, сказав: "Нет, ребята. Это дело серьезное и требует хорошей подготовки." И поехали мы продолжать командировку на Мадагаскаре, а оттуда я разослал письма Варадану, Ниренбергу, Флемингу, Фридману. Довольно долго не было никакого ответа, поэтому я как-то так уже заскучал, но потом пришло приглашение из Чикаго. Очень доброжелательное, расписан город, а мне не хотелось туда.

ЕД.: Гангстеры все-таки!..

НК.: Там было написано, что гангстерская репутация Чикаго идет от двадцатых годов, а сейчас это совершенное другой город. А мне почему-то хотелось в Миннеаполис.

ЕД.: А кто Вас приглашал в Чикаго?

НК.: Питер Мэй, шеф департамента.

ЕД.: Это очень хороший университет. Вы знаете?

НК.: Хороший, я знаю. Он частный.

ЕД.: Он даже более, может, знаменитый, чем Университет Миннесоты..

НК.: Да, да, да. Они прислали список профессоров, а там мало народу и по моей специальности - никого. Из Миннеаполиса мне тоже вскоре прислали предложение, и мне оно гораздо больше нравилось: большой факультет, я там

буду сидеть на лекциях. Там они меня знают просто по работам! Я же не могу рассказать алгебраистам, какой я важный.

Боря Розовский меня научил, что виза нужна H1, а не J1. Будучи на Мадагаскаре, я получил, может быть, и немного информации, но она была очень существенной! Я хотя бы начал чувствовать дух какой-то. Вопросов у нас было дикое количество! Мы собирались ехать вшестером, всей семьей. Я просился только на 5 лет, чтобы дети могли хоть где-то образование получить. К тому же, я думал, если буду просить больше, то, может быть, не возьмут! Может, на всю жизнь - нельзя, а предложить мне более короткий контракт неудобно.

ЕД.: Ну, а сейчас какова там ситуация? Вы уже получили теньюре?

НК.: Я Фейбса спрашивал насчет теньюра, а он говорит: "Вы в теньюре!" Ну, хотя это, конечно, неправильно, незаконно, потому что у меня не было, еще гринкарты.

ЕД.: Это совершенно неважно! Я приехал, как вы знаете, по H1, потому что мы заехали в Израиль повидаться с нашей дочерью, и мне было предложено постоянное место с самого начала телеграммой в Москву. Но официальную бумагу об утверждении этого Советом Попечителей (Board of Trustees) - я получил через полгода. А гринкарту я получил позже.

НК.: Ну, тогда значит, я в теньюре, хотя соответствующей бумаги я не видел.

ЕД.: Здесь слово - это то же самое, что документ. А деньги вам платят хорошие. Это уже значит, что они в Вас заинтересованы.

НК.: С ними со всеми я в очень хороших, дружеских отношениях и, так сказать, шутим друг над другом. Правда, у меня не очень хорошо получается, но, тем не менее, отношения хорошие.